

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Революция и репрессия (реалистический взгляд).

Социальная революция в академическом понимании качественное преобразование общества. Революция революционеров освобождение, обновление, социальный катарсис, созидающее разрушение и т.д. Революция с т. зр. власти насильственное, криминальное деяние, повальное безумие, настолько же бесплодное, сколь беспощадное.

Все эти определения представляются нам однобокими в силу того, что любое высказывание о революции (в т. ч. и наше) более-менее субъективно.

Тупость реакционной трактовки самоочевидна. Словарное определение страдает академизмом (все потуги подняться над схваткой бесчеловечны. Это то же самое, что изучать военную историю по картам, испещренным стрелками; толковать о геополитических интересах сторон, игнорируя человеческий смысл событий. Объективизм, как правило, ничего не проясняет).

Левацкие мифы о революции, однако, немногим реалистичней, чем реакционные мифы. Пропагандистские упрощения, утопии с мрачно-мстительным или, напротив, благодушно-оптимистическим колоритом (как, например, у М. Магида) влекут за собой пагубные последствия. Революционные песни прошлого становятся колыбельными. Самоубаюкивание делается нормой, и горе тому, кто нарушит сладкий сон теоретиков (в том числе и самой Революции судьба П. А. Кропоткина после 1917 г. весьма показательна).

Революция не безусловное (абстрактное) Благо. Это экстремальная ситуация, в которой только и возможен Выбор. Сам этот выбор не является свободным (никакое учредительное собрание не властно повернуть историю на 180 градусов). И все-таки выбор (выбор того или иного, истинного или ложного, пути к спасению) возможен.

Революция и освобождение, и (отнюдь не в меньшей мере!) репрессия. Революция и контрреволюция, насилие власти (посредством обманутых масс) и насилие масс (посредством революционных органов) часть одного, диалектически сложного процесса. Революция понуждает гуманиста вершить насилие, анархиста поступать авторитарно (согласно революционной необходимости). Путь к спасению предполагает действия вопреки собственным потребностям. Массы людей жертвуют счастьем ради счастья, жизнью ради жизни, свободой ради свободы, миром ради мира. Авторепрессия и репрессия в отношении других групп людей (не только буржуазии, бюрократии, тиранических партий, но и несознательных братьев) такова изнанка истории. Ясное сознание прошлого, трезвый взгляд в будущее отличают подлинного революционера от мечтателя и примитивного экстремиста.

Государство и безопасность.

Субъективная предпосылка бунта невозможность удовлетворения элементарных людских потребностей (то, что Ленин называл ростом нужды и бедствий трудящихся

масс). Однако, не менее, чем в пище, сексе, отдыхе, личной свободе, каждый человек нуждается в чувстве безопасности. Государство угнетает (контролирует) людские потребности, давая взамен иллюзию порядка. Официальное обоснование власти (властью) гласит: государство необходимо, ибо оно примиряет социальные антагонизмы, обуздывая преступные инстинкты ради общего блага. Мы знаем, однако, ложь этого обоснования. Государство не правит, а служит корпорациям, оно освящает антагонизмы буржуазного мира. Государство подкупленный судья (а также законодатель, прокурор и палач).

Аскетизм для масс, не пресыщаемая оргия для бизнеса и бюрократии, спецпак для обслуги общее благо в понимании власти. Социальное государство невозможно по определению. Это не народное государство , а политика капитала в отношении масс, диктуемая страхом. Слом государства всеобщего благоденствия и второе пришествие классического капитализма (под флагом глобализации) как нельзя лучше это доказывает. Деформированное рабочее государство (иного мы пока не наблюдали), как и самодержавие, не служит никому, кроме себя. Бунтуя против своего владыки Капитала, оно возводит насилие в разряд экономических законов, аннулируя все иные (цивилизованные) правила игры. Сталинистская, фашистская и социальная модели гос. устройства в своем роде уникальны, дисгармоничны при капитализме. Революционное движение в 20-м в. заставило буржуазию сопротивляться, что и обусловило все эти политические перверсии.

Сталинизм, фашизм и Welfare state сделали своим знаменем безопасность (социальную защищенность населения как от рисков капитализма, так и от революционной анархии). Кнут, как и пряник, был пущен в ход для того, чтобы ликвидировать массовое антикапиталистическое движение. Таким образом, именно безопасность (потребность в ней) служит объектом реакционных спекуляций. Именно безопасность является слабым местом революционных теорий. Жертвенность, презрение к опасности, героизм всегда отличали истинных революционеров. Но отказ от счастья ради счастья, свободы ради свободы, мира ради мира вовсе не прельщает обычных людей в обычных обстоятельствах. Отсталые социальные слои, поднявшись на бунт, склонны к популистской диктатуре более, чем к социальной революции. Мелкобуржуазные элементы , пролетарские партии и пр. всегда готовы бежать с поля боя или воспользоваться плодами чужой победы. Первоначальный радикализм, охватывающий едва ли не все общество, включая средний класс , сменяется борьбой между вчерашними попутчиками (т.к. отныне каждый из них выбирает свой путь. По понятной причине, мирно разойтись они не могут). Тут и возникает жгучий вопрос о власти яблоко раздора между анархистами и социалистами других направлений.

Для нас является очевидным тот факт, что любая диктатура от имени пролетариата влечет за собой диктатуру над пролетариатом . Подобная диктатура отвечает потребностям не авангарда , но арьергарда масс, готового на любую власть, лишь бы та навела порядок . Выступая от имени советов, фабзавкомов, т.е. - органов общественного самоуправления большевики сразу после захвата власти приступили к их огосударствлению (кстати, то же самое сделали итальянские фашисты с профсоюзами). Разгром советов, фабзавкомов, профсоюзов, коллективов, коммун и т.п., равно как их вогосударствление , есть сущность всякой контрреволюции, шествующей под флагами порядка . Политические организации, не связанные напрямую с производством, играют в революции значительную роль. Они, однако, не могут и не должны (оставаясь революционными) претендовать на власть в тех органах, которые, по существу, ликвидируют политику как род профессиональной деятельности. Растворение неавторитарных левых организаций внутри самоуправленческих структур, их слияние с рабочим классом, т.е. отмирание, а не наоборот вот в чем цель социал-революционного

активизма. Именно поэтому анархисты выступают против всех и всяческих рабочих партий, в т. ч. и против тех, которые являются политической надстройкой над профсоюзами. Последние изначально моделируют ситуацию, когда бюрократия (партийная, т.е. протогосударственная) помыкает массами, не имеющими своего мнения. Любое представительство интересов трудящихся чревато предательством этих интересов. Освобождение рабочего класса дело рук самого рабочего класса, а не его адвокатов. Независимость организаций рабочего класса главное условие его окончательной победы.

Суверенный и полновластный рабочий класс, разбивший старую государственную машину, должен взять в свои руки все общественные функции, представлявшие ранее вотчину бюрократии. В том числе функцию охраны общественного порядка и обороны. И здесь мы снова возвращаемся к вопросу о безопасности, который на данном этапе развития революции становится центральным.

Переходный общественный строй и проблема безопасности.

Со времен просветителей 18-го века требование всеобщего вооружения народа является общим для большинства революционных программ. И по сей день этот экстремистский лозунг вызывает гнев филистеров (либерально-пацифистского, социал-демократического и консервативно-фашистского толка). Обыватели иного рода платонические бомбисты и примитивные дестройщики лимоновско-цветковского пошиба, напротив, превозносят вооруженный рай. На самом деле, разница между первыми и вторыми ничтожна. И те, и другие видят во всеобщем вооружении лишь хаос, пресловутую войну всех против всех. Но если одни (нормальные) мещане опасаются за свое добро и привычный быт, то другие (ненормальные) рвутся на волю, в пампасы, где они могли бы с урчанием поедать костный мозг поверженного врага.

Винтовка рождает власть - говаривал Мао Цзэдун. Винтовка в каждом доме лучшая и единственная гарантия против тирании. Одним из условий рождения власти испокон века было всеобщее разоружение народа. Известно, что афинский тиран Писистрат хитростью отобрал оружие у граждан полиса с тем, чтобы установить диктатуру. Точно также поступает Путин в Чечне. Вольнолюбие народов Кавказа связано с традициями военной демократии, своеобразным культом оружия. Запорожская Сечь, Соединенные Штаты Америки периода Войны за независимость, Швейцарская конфедерация примеров неисчислимо много.

Либеральные страшилки о войне всех против всех есть не более, чем глупая сказка для инфантильных обывателей. В буржуазном мире происходит классовая война, где с одной стороны вооруженное до зубов капиталистическое государство, а с другой угнетенное и безоружное общество. Те, кто толкует о войне всех против всех, на деле выступают за государственно-бандитскую монополию на оружие, за то, чтобы сильные мира сего оставались сильными, а слабые слабыми. Таков неожиданный вывод из либерального пацифизма.

Вместе с тем, всеобщее вооружение ни в коей мере не является достаточным ответом на вопрос о безопасности. Рассматривать всеобщее вооружение как панацею ото всех бед глупо, хотя бы потому что оно не может быть вполне всеобщим и равным. 140 млн. калашниковых для всех мужчин и женщин России, еще больше для Китая или Индии совершенно нереальные цифры!

Полковник Кольт не сделает людей равными. Во-первых потому, что далеко не все захотят вооружаться, во-вторых преимущество в схватке, как правило, на стороне агрессора, каковых будет немало. Кроме того, разные виды оружия обладают разной мощностью (АКМ против танка - все равно, что булава против носорога).

Значит, вооружение общества должно сопровождаться уничтожением некоторых видов оружия (напр., ядерного, умных бомб и пр.). Неравенство в вооружении при этом все равно сохранится более или менее длительное время.

Таким образом, мы видим, что справедливое в принципе и необходимое практически всеобщее вооружение есть на деле вооружение специальных отрядов революционной милиции. Само по себе существование подобных (пусть добровольных и неиерархически организованных) отрядов чревато их авторитарным перерождением. Махновская военная демократия в этом смысле далеко не безупречный пример. Выгодно отличаясь от ленинистских вооруженных формирований, украинское повстанчество, тем не менее, проявило явно диктаторские тенденции (что объясняется как объективными историческими условиями, так и низким культурным уровнем этого движения).

Принципиально иной является вооруженная борьба сапатистов Мексики. САНУ, в отличие от Махновщины (при том, что социальная база обоих движений сопоставима) жестко подконтрольна индейским общинам, т.е. неавторитарным органам гражданского общества. Если Повстанческая армия Махно выступала в роли народного заступника, фактически создавая органы безвластия на местах и доминируя в этих органах, то сапатисты именно общинами поставлены в очень жесткие рамки. В этом (и, пожалуй, только в этом) мексиканское сопротивление прогрессивней украинского.

И все-таки отдельные положительные опыты не решают проблемы безопасности в целом. Народные армии до сей поры представляют собой локальное явление, их действия вне определенной области малоэффективны. Создание чего-то более действенного возможно только на основе массового гражданского (точнее, профсоюзно-советского движения). В ином случае локальные либо маргинально-экстремистские вооруженные авантюры бессмысленны.

Анархический идеал - неантагонистическое, а значит и ненасильственное общество. Промежуточная цель общество, поставившее насилие под контроль органов прямой демократии. Что это, пресловутый переходный период или низшая фаза развития нового общественного уклада? Вопрос этот кажется нам праздным. В любом случае, речь не идет о рабочем государстве, реальность которого мы отрицаем. Если необходимо дать какое-то наименование революционному строю, то вполне пригодным эвфемизмом к слову анархия было бы республика вольных советов.

Почему мы не можем признать законченным подобный строй, ликвидирующий военную касту и организовавший ополчение по милиционному принципу? Потому что на данном этапе еще сохранится репрессивная функция. Значительное сопротивление политической контрреволюции, криминальная деятельность разного рода люмпенов, внешняя угроза, потребуют от революции применения авторитарных мер. Махновское движение и опыт испанской революции подтверждают данный вывод, и ошибкой было бы думать, что будущую (пока гипотетическую) революцию минует эта горькая чаша. Моральная и теоретическая неготовность анархистов к подобной, противоречащей духу учения, роли сказалось в истории самым плачевным образом. Репрессивные импровизации Махно, описанные Волиным лучшая тому иллюстрация.

Обычно возражают, что революционное чутье все-таки острее, чем государственное правосудие. Даже если и так, мы не можем согласиться с выбором меньшего из зол. Тем более, что реанимировать неписанное право в условиях революции проблематично. Заложить справедливые и гуманные традиции разрешения конфликтов может лишь относительно стабильная эпоха. Бюрократическое насилие по закону и революционное насилие без закона равно отвратительны.

Проблема обеспечения правосудия зачастую просто игнорируется либертарными авторами или разрешается на самом общем, скорее философском, чем теоретическом уровне. Обстоятельная и, в целом, действительно Позитивная программа анархистов Г. Хаджиева, говоря о милиционной системе обороны, традиционно умалчивает о борьбе с внутренней реакцией и криминалом. Между тем, именно этот вопрос чаще всего ставится перед активистами анархо-движения, а значит никак не может быть ими проигнорирован.

Попробуем разобраться. Социальная жизнь немыслима без некоторых правил и табу (более или менее интериоризированных). В антагонистическом обществе власть экономической олигархии охраняется не только штыками, но еще и тем, что Толстой именовал лжеучением государства. Выступая от имени общества, власть непрерывно фабрикует все новые и новые законы (некое эзотерическое знание составляющее исключительную прерогативу жрецов). Государственная законность не имеет ничего общего ни с договором, ни с гражданским обществом. Фикция народного представительства маскирует повелевающие интересы буржуазной бюрократии. Реформистская борьба представляет собою бесконечное движение к несбыточной цели согласовать интересы широких слоев общества с интересами власти-капитала посредством прогрессивного законодательства. Реформистская утопия обретает реальное выражение только на фоне массового недовольства, чреватого серьезным потрясением основ буржуазного строя, и только до тех пор, пока это недовольство сохраняется. Реформизм спасательный круг власти, делающий её способной противостоять социальным бурям. Массовое движение становится революционным только тогда, когда оно рвет с формальной демократией и законностью.

Однако, государство не было бы самим собой, если бы оно не оказывало разлагающего действия на общество. Классические революции представляли собою восстание общества (общинного мира) против чуждого мира государства. Т. е. революция опиралась на отсталые (с точки зрения буржуазного прогрессизма) докапиталистические формы общежития, традиции коллективизма, солидарности, землячества и т.п. со свойственными им представлениями о справедливости и счастье. В этом смысле характерно различие между народническим и марксистским восприятием революции. Если марксистская (и вообще социалистическая) литература 20-го ст. сравнивает революцию с бурей, сносящей реакционные преграды, то в народнической литературе вт. п. 19-го столетия мы встретим совершенно иные метафоры. Революция мыслится здесь плотиной, преграждающей путь катастрофе капитализма. В окарикатуренной форме тот же взгляд характерен для современных национал-патриотов и части западных антиглобалистов, стремящихся отстоять социальные завоевания. Вся разница состоит в том, что национал-патриотам уже нечего отстаивать, кроме привилегий и артефактов, связанных с национальным государством.

Революция на современном этапе представляет во многих отношениях более сложное предприятие, чем раньше. Это уже не сопротивление докапиталистических форм общежития, которые, в большинстве случаев, давно отошли в небытие, а, скорее, спонтанное возрождение (реконструкция) общества в новых экстремальных условиях. Революционное движение создает социально-психологические предпосылки революции.

Происходит не развитие и преобразование традиционных форм, а новое открытие новых форм. В этом смысле другая революция сапатистов является если не образцом (менее всего образцом), то ценнейшим опытом реставрации общества как антигосударственной силы. Антиглобалистское движение не являясь революционным движением в традиционном смысле, играет (или может сыграть) глубоко позитивную роль реаниматора общества как активного деятеля истории. Это демократическое гражданское движение, которому еще предстоит стать подлинно революционным и классовым (впрочем, возможна и альтернатива бюрократизация и реформистское угасание)...

Анархический идеал федерация вольных самоуправленческих народных союзов (советов, ассамблей и т. п.) квинтэссенция общества, его рафинированный облик. (Вос)становление общества в ходе революционного процесса, а не его утопическое описание, должно стать предметом либертарного мышления.

Обычное (неписанное) право характерно для традиционного общества, где наличествуют общезначимые и общепринятые понятия о справедливости и правильной жизни. В бесклассовом коммунистическом обществе, вероятно, возникнет некий моральный консенсус относительно того, что допустимо, и что недопустимо. Проблема заключается в том, что придет на смену отжившим либо неприемлемым моральным традициям и буржуазной законности. Стало быть, вопрос стоит о безопасности на переходном, т.е. революционном этапе. Переходный период, как уже было сказано, характеризуется прежде всего наличием репрессивной функции в обществе (государство разрушено, буржуазная собственность социализирована, но репрессивная деятельность все еще необходима). Акулам и тиграм требуется некоторое время, чтобы стать антиакулами и анти тиграми ...

Историческая эволюция противозаконностей и, соответственно, системы наказаний, верно прослежена М. Фуко в его книге Рождение тюрьмы: ...с конца 17-го века наблюдается значительное снижение числа убийств и вообще физически агрессивного поведения; правонарушения против собственности приходят на смену насильственным преступлениям; кража и мошенничество теснят убийства и телесные повреждения; не имеющая четких границ, спорадическая, но распространенная преступность беднейших классов сменяется преступностью ограниченной и искусной ... В буржуазном обществе преступник это, прежде всего, Вор. Объектом посягательства служит собственность (сама по себе представляющая кражу). Революция, порожденная капитализмом, есть не что иное, как окончательный и тотальный передел собственности. Именно вследствие этого революция устраняет кражу из социальной жизни. Преступления против собственности исчезают постольку, поскольку преодолевается частная собственность. Так обстоит дело в теории, однако практически все будет выглядеть несколько иначе.

Преступное сообщество особый социальный слой с присущей этому слою психологией. Профессиональный преступник это маргинал, оторванный от производства и презирающий работу; своего рода буржуа. Мафиозные ТНК, организованные преступные кланы, тесно связанные с легальным бизнесом и властью, теневая сторона Системы, которую невозможно приспособить к нуждам нового общества (социализация нарко или секс-индустрии представляла бы собой странное предприятие). Ликвидация буржуазного строя и отношений господства-подчинения в обществе встретят сильное сопротивление криминала, ибо эта часть глобальной экономики рухнет вместе с капиталистической легальностью (вспомним мытарства подпольного миллионера Корейко). Отбросы современного мира смешаются с экспроприированным патрициатом. Вся эта обозленная контра объединится ради борьбы с революционной анархией. До тех пор, пока революция не покончит с этими врагами, общество не сможет быть вполне свободным и

социалистическим. Марксисты говорят в этой связи о диктатуре пролетариата. Наши соображения о природе переходного периода как фазе революции принципиально иные (См. выше). Но отрицать переходный период невозможно, это значит игнорировать сложную реальность революции, и, в конечном счете, отказаться от нее как таковой.

Основным вопросом, который мы, вероятно, сможем лишь поставить является расшифровка весьма туманного слова покончить. Процесс ликвидации криминальной индустрии, криминального поведения, буржуазно-криминальной психологии включает в себя:

а) Уничтожение экономических предпосылок преступности, т.е. обобществление, коллективизацию, синдикализацию собственности; устранение товарно-денежных отношений.

б) Ликвидацию отношений господства-подчинения в обществе, их замену самоуправлением снизу доверху.

в) Ассимиляцию антисоциальных групп населения, их максимальное включение в общественную жизнь. Революция смывает клеймо позора с жертв капитала и власти, предоставит им равные со всеми возможности, доступ к знаниям и профессии. Действия (психотерапевтические) должны быть направлены на качественное изменение психологии общества. Но... насколько широка пропасть между тигром и антитигром? Подразумевает ли перевоспитание элемент принуждения? Каково соотношение биологических и социальных причин делинквентного поведения? Другими словами, предстоит оценить глубину деформации личности буржуазным не-обществом.

г) Насильственная борьба с контрреволюционным насилием. Возмездие наиболее активным врагам революции. Иначе говоря, репрессия.

Последний пункт должен стать предметом дискуссии, причем дискуссии менее всего моральной (допустимо или недопустимо). Репрессивная функция вне государства нонсенс или неизбежность?

Общинный, догосударственный строй, опиравшийся на нормы обычного права отошел в небытие. Все, что было с ним связано: примитивный коллективизм, отрицающий индивидуальность; ограниченные сообщества, где все контролируют каждого; патриархальная семейственность и т.п., исчезло и более не возродится.

Современная (точнее, просвещенческая) утопия, именуемая юриспруденцией, иррациональная система наказаний и надзора должна быть и будет похоронена вместе с государством. Впервые в истории предметом ликвидации станет преступность как явление. Государство не в состоянии справиться с этой задачей, оно лишь истязает тело и душу преступника. Точнее было бы сказать: государство истязает общество посредством криминала, т. обр. утверждая самое себя в качестве спасителя. Преступность, порожденная социальной несправедливостью, обосновывает существование социальной несправедливости. Однако было бы слишком просто сказать: преступность есть отражение власти, которое растает бесследно с ее (власти) уничтожением. Преступный мир, скорее, некое пограничье, порожденное легальной несправедливостью; тень, автономная от хозяина; яд, действующий даже по смерти врача-отравителя. Именно предположение о порочной наследственности, антисоциальной инерции, увлекающей общество на путь подавления, заставляет нас ставить вопрос о переходном периоде.

Мыслители-гуманисты прошлого давно вынесли приговор тюремной системе. Каждый, кто обладает хотя бы толикой здравого смысла, видит, что тюрьма, подавляя естественные потребности заключенных, фактически воспроизводит (в еще более концентрированной форме) те условия, которые толкают индивидуума на преступление. Когда голодного сажают на хлеб и воду, убийцу помещают в компанию убийц, это ведет лишь к обострению преступных наклонностей, ожесточению против общества, разрушению связей с ним. Т. е. к дальнейшей социальной дезадаптации.

В революционном обществе никто не может лишаться свободы, т.к. не свобода, а рабство порождает преступления. Все, что связано с военно-тюремной дисциплиной, телесным наказанием и т.д. несколько не способствует исправлению личности, зато удовлетворяет животное чувство мести, скрывающееся под маской добропорядочности. Общество не мстит, оно занимается устранением причин преступности в себе самом. Понять и принять это сложно, тем более в условиях революции. Но сделать это необходимо для того, чтобы революция продолжалась.

Имущественные преступления не должны караться тюрьмой. Прежде всего, коммуна (или муниципия) возмещает утраченное. Справедливая мера воздействия на преступника общественные работы под надзором совета (или иного органа самоуправления) и рабочей милиции. Труд при этом не может быть унижительным или чисто механическим, отупляющим. Важно, чтобы преступник не чувствовал себя наказанным или рабом. Желательно, чтобы работы проходили на свободном предприятии, среди свободных тружеников.

Тяжкие насильственные преступления требуют более жестких мер социального воздействия. И здесь мы снова поставлены в сложную ситуацию. С одной стороны, агрессивное поведение обусловлено социально, с другой биологически. Точное соотношение и взаимосвязь социального и биологического вряд-ли будут когда-либо определены. Идеалистическое представление об изначально доброй или злой природе человека мы, естественно, не можем принять во внимание. Поэтому ручаться в том, что революционная реконструкция общества механически повлечет за собой исправление человеческой природы нельзя. Мы предполагаем, что ликвидация отношений классового общества минимизирует насилие, переводя его окончательно в разряд перверсий (вроде некрофилии).

Что такое более жесткие меры по отношению к убийцам, дебоширам, насильникам? Современная юридическая и пенитенциарная система понимает под этим более длительное и более радикальное ущемление свободы индивида, более изнурительный труд, более изощренную пытку (иногда смертную казнь). Другими словами, капиталистическое государство бьет своих вырождающихся тем сильнее, чем отвратительней их моральное увечье. Криминальное насилие это зеркало, в котором легальный насильник зрит самое себя. Но... тем хуже для зеркала (которое, в отличие от присяжных панегиристов, не льстит, а отражает действительность).

Революционное общество, осудив наказание, тем не менее будет вынуждено к самозащите. Последняя *volens nolens* подразумевает ограничение свободы, т.е. временную изоляцию преступника, общественный надзор и психологическую помощь. Но какова в таком случае альтернатива тюрьмам и психиатрическим клиникам? Наш ответ таков: более-менее автономные, но по возможности свободные (внутри) поселения. Нам возразят, что такие поселения не могут быть свободными вполне, что над ними

потребуется контроль. Что ж, таковы издержки переходного периода! Придется вспомнить Макаренко. Единственной альтернативой такому авторитаризму, которую смогли предложить анархисты в годы революции 1917-1921 — самосуды и расстрелы.

Составление подробного проекта поселений не входит в нашу задачу. Кроме того, это требует огромной исследовательской работы, которой лишь предстоит заняться. Вот некоторые проблемы, которые должны стать предметом такого исследования:

Возможно ли создание самоуправляющихся поселений? Не приведет ли это опять к диктатуре авторитетов со всеми мерзостями, характерными для современных тюрем?

Мы полагаем, что самоуправление не только возможно, но и необходимо. Авторитарные и насильнические порядки, всегда существовавшие среди заключенных (также как и неуставные отношения в армии) есть порождение уставного насилия. В сталинских концлагерях, например, т. наз. суки пользовались прямым покровительством лагерного начальства. То же самое происходит и сегодня, что общеизвестно. Иерархия, неравенство и насилие среди узников обеспечивает порядок и спокойствие, препятствует проявлению солидарности в борьбе за индивидуальное достоинство каждого. Это одна из вариаций бессмертного цезаристского принципа: Разделять, чтобы властвовать. Отпор диктатуре сильнейших может дать лишь самоорганизованное большинство.

Вместе с тем, нельзя забывать и о том, что помимо вышеназванной диктатуры, в определенных условиях может сложиться диктатура другого рода — диктатура большинства. Ярким примером такого рода могут служить конфликты, сплошь и рядом возникающие в нынешней школе, где белые вороны — люди, по каким-то соображениям считающиеся ущербными (не такими, как все), становятся объектом насмешек, насилия, эксплуатации. В сообществе преступников такие люди (скажем, сексуальные извращенцы) подвергаются чудовищным унижениям со стороны массы. Поэтому поселения преступников не могут быть внутренне автономны на 100%. Надзор над ними необходим, т.к. многие конфликты, безусловно, потребуют внешнего урегулирования. Однако, элемент контроля должен быть по возможности минимизирован, также как и элемент опеки.

Поселенцы не могут быть нахлебниками общества, но общество не вправе и принуждать их к труду. Коммуны должны обеспечивать поселения лишь в той степени, в какой они не могут сделать этого сами. Экономическое взаимодействие поселенцев с обществом будет (насколько это возможно) аналогичным отношениям между обычными коллективами, синдикатами и т. д.

Иными словами, общество не наказывает преступников, помещая их в искусственно-дискомфортные условия, а, наоборот, стремится к наибольшей социализации делинквентов. Принуждение не исчезает, но умягчается до пределов необходимой самообороны.

Нам возразят (и сделают это прежде всего филистеры), что при подобной системе мер преступления превратятся в довольно выгодный промысел. По их мнению лишь жестокое и неотвратимое наказание способно обеспечить порядок и безопасность. Т.е., чтобы приблизиться к искомому идеалу, следует ужесточать законы и совершенствовать карательный аппарат. Если спросить этих господ о том, где и когда утопия порядка была реализована, они, вероятно приведут нам в пример СССР при Сталине или гитлеровскую Германию (посетовав, конечно, о щепках, которые, как известно, летят из под топора Железного Дровосека).

Преступность исчезает, делаясь бессмысленным и невыгодным промыслом лишь тогда, когда общество перестает исторгать из себя аутсайдеров, когда труд и его продукт перестают быть отчужденными, т.е. с ликвидацией отношений господства-подчинения, власти и капитала. Другими словами, когда не будет тех правил, которые надо преступать, чтобы выжить. Пока этого не произошло, любое наказание является бессмысленным, аморальным и совершенно произвольным (контропродуктивным , если пользоваться словечком из словаря прагмакратов). Совершенствование общества, а не изощрение системы наказаний вот принцип, который станет актуальным в созидательную пору революции.

Признание того факта, что разрушительная фаза революции не приведет к мгновенному и совершенному результату, что продвижению к конечной цели сопутствует антисоциальная инерция, ведет нас к постановке вопроса о правовых, судебных и силовых институтах в переходный период.

В этой связи было бы уместно обратиться к работам М. А. Бакунина, который, несмотря на явную противоречивость своих взглядов, никогда не порывал с реальностью.

В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество в интересах самозащиты от неисправимых лиц, не преступных, но социально опасных, - не будет иметь нужды применять к этим лицам какие-либо наказания, кроме как лишения их гарантий и солидарности, т.е. устранения или исключения их из данного общества .

Вполне естественно, что, будучи признаны большинством людей или хотя бы господствующим классом, законы оказывают большое влияние на каждого человека благотворное или вредное в зависимости от их характера. Но для самого общества несколько не хорошо, не справедливо и не полезно, чтобы эти законы могли быть предписаны властническим или насильственным образом кому бы то нибыло вопреки его собственному убеждению .

в случае нарушения свободно принятых на себя обязательств или в случае открытого и доказанного посягательства на собственность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца общество налагает на местного или чуждого гражданина, совершившего проступок, наказание, положенное по местным законам .

Безусловная отмена всех позорящих и жестоких наказаний, телесного наказания и смертной казни... Отмена всех наказаний, имеющих неопределенную или слишком долгую длительность..., ибо преступление должно рассматриваться как болезнь, и наказание скорее как лечение, чем как возмездие со стороны общества .

Уже из приведенных цитат ясно, что Бакунин признает не только идею о переходном периоде, но и необходимость законодательств, судов, тюрем, полиции..., что вступает в открытое противоречие с его Бакунина - антиэтатизмом. По меньшей мере спорным кажется нам идея Бакунина об изгнании социально опасных лиц, а также тунеядцев из общины, после чего строптивый может быть ограблен, оскорблен, даже убит, причем обществу не будет до этого никакого дела . Социальное воздействие, по нашему мнению, должно быть направлено на возможно большую социализацию таких лиц, а не наоборот. Да и какую пользу может принести анафемствование преступника, если он собственным своим поведением уже поставил себя вне общества? Кроме того, в условиях единого мира изгнание представляется попросту невозможным (изгнать, но куда и откуда?). Поэтому

идея автономных поселений является наиболее гуманным из возможных путей социальной адаптации в переходный период.

Подобно Бакунину, мы признаем необходимость существования писаного права, но его влияние на жизнь общества должно свестись к минимальным размерам. Экономические отношения (синдикатов, коммун, коллективов и пр.) должны регулироваться взаимными договорами так, как это предлагает П. А. Кропоткин. Уголовное законодательство, разработанное на основе решений региональных социальных форумов или конгрессов, принятое всеобщим голосованием в каждой отдельной области, должно исходить из общих положений, разработанных национальным (или международным) форумом / конгрессом. Широкая дискуссия, в которой сможет принять участие всякий желающий, будет предшествовать созданию правовой системы переходного общества.

Региональные народные собрания (съезды, конгрессы или форумы), включающие в себя представителей отраслевых синдикатов, общественных объединений и т. д., собирающиеся периодически, могут вырабатывать поправки и дополнения к законам, которые утверждаются на общих собраниях всех представленных организаций. Поправка или закон вступает в силу лишь после того, как статистические службы, ответственные за подсчет голосов, обнародуют результаты.

Возрают, что подобный механизм принятия решений неприемлем, излишне громоздок и т.п. Мы так не считаем. В социалистическом обществе с рационально функционирующей экономикой (или, как сказал бы Вернадский - ноосферном) статистика пронизывает все отрасли общественной жизни так, как она пронизывает экономику. Процесс волеизъявления, ныне сводящийся к омерзительной формальности выборов, должен стать непрерывным. Только так можно отправить гос. парламентаризм в музей, к каменному топору и прялке. Информационные технологии еще более упростят данный процесс, сделав его быстрым и нетрудоемким.

Могут возникнуть и возражения иного рода: мол, юриспруденция слишком запутанная сфера, чтобы допустить в нее толпу неотесанных профанов.

Как уже говорилось, современная юриспруденция, не являясь позитивной наукой, есть не что иное, как эзотерика, набор схоластических упражнений и магических пассов, погребаящих под собой человеческую справедливость. Право такого рода, основной задачей которого всегда было отстранение масс от управления обществом, необъятная паутина, сковывающая общество по рукам и ногам, достойно только уничтожения. Правды былых времен русские, рипуарские, салические и т. п. совершенней буржуазного законодательства уже потому, что они не пытались регламентировать каждый шаг, каждую сторону общественной жизни.

Каждый правовой документ переходного периода должен быть написан общепонятным языком.

Сфера действия законов должна ограничиться уголовными преступлениями (посягательства на жизнь, здоровье, свободу и т.п.). Все остальные области вполне могут регулироваться с помощью договоров между заинтересованными сторонами. Нарушение договора и прочие подобные конфликты по необходимости улаживаются третейским судом (если, конечно, они не влекут за собой уголовщины).

Суд переходного периода должен быть гласным, открытым и жестко подконтрольным группам общественности, функционирующим на добровольных началах (городским,

региональным или даже квартальным, в зависимости от характера дел). Эти контролирующие органы должны обладать правом вето, подобно народным трибунам древности. Буква закона ни при каких условиях не может быть поставлена выше общественного мнения.

Более сложным является вопрос об организации и деятельности народной милиции. Органы революционной самозащиты, возникающие спонтанно в ходе восстания несут в себе не только освободительный, но и, не в меньшей степени, авторитарный потенциал. Будучи автономными от какого бы то ни было контроля, милиционные отряды впитывают неустойчивые, криминальные элементы, склонные ко всякого рода чрезвычайщине. Партийные вооруженные формирования представляют собой не меньшую угрозу, превращаясь, по выражению Толстого, в армию дисциплинированных убийц. Вспомним социал-демократические отряды Носке в годы Германской революции, расстреливавшие рабочих-коммунистов или красных курсантов Троцкого, штурмующих революционный Кронштадт.

Анархисты, гневно обличающие диктаторство Ленина и Троцкого, обычно стыдливо умалчивают о бесчинствах анархистских атаманов а la Махно или Маруся Никифорова. Мы вполне допускаем, что советская историография Гражданской войны стремилась очернить анархистов, но... это было бы куда сложнее сделать, не соверши анархисты столько поистине преступных ошибок.

Предотвратить перерождение милиционных отрядов в р-революционные банды (либо в партийную полицию) возможно лишь одним способом: вооруженные формирования необходимо жестко подчинять гражданским органам прямой демократии (там, где эти органы одержат победу).

Организация народной милиции в переходный период должна быть федеративной, а ее деятельность подчинена советам, муниципиям или другим органам территориального самоуправления. Гражданский контроль над милицией может осуществляться также независимыми организациями, аналогичными тем, что надзирают за отправлением правосудия. Не стоит забывать также о том, что в условиях, когда армия заменена народным ополчением, а оружие имеется едва ли не в каждом доме, произвол со стороны милиционных отрядов становится маловероятным. Одной из гарантий против злоупотреблений должна стать внутренняя структура милиции, своего рода военная демократия, основанная на выборности и сменяемости должностных лиц в отсутствие каких бы то ни было привилегий и т.д.

Наряду с коммунальной милицией, для борьбы с хулиганством, бытовым насилием и т.п. будут существовать самоорганизованные добровольные дружины, охватывающие квартал, поселок, микрорайон. Существование подобных дружин (отнюдь не менее значимых, чем милиция) сведет сферу деятельности последней к расследованию тяжких преступлений (убийств, контрреволюционных актов и проч.). Поступательное движение к неантагонистическому обществу возможно только тогда, когда никакая инициатива, касающаяся масс, невозможна без их прямого участия и поддержки. В этом смысле важнейшим является не вопрос о наличии либо отсутствии тех или иных учреждений, а вопрос о способах прямого контроля масс над этими учреждениями.

Подводя итог этой и так уже слишком объемной статье, нам бы хотелось предостеречь читателей от излишне категоричных суждений. Это не манифест нео-бакунистов, не

очередная утопия. Нашей задачей является постановка проблемы и выдвижение более-менее приблизительной рабочей гипотезы. Вполне вероятно, что данная работа окажется уязвимой для критики. Очень может быть, что самой действенной критикой окажется опыт реальной борьбы. Будем надеяться, что революции XXI века опровергнут многие наши опасения, порожденные исторической трагедией прошлого. Однако, надежда (скорее всего беспочвенная) совсем не повод к теоретическому благодушию и практической расхлябанности.

Стоит только взглянуть в лицо современной реальности, окинуть взором отвратительный пейзаж (не)настоящего, чтобы понять всю сложность и драматизм задач, стоящих перед антиавторитарными социалистами.

Где найти такой лот, чтобы измерить глубину падения современного человечества? Какому герою под силу одолеть вершины, завоеванные когда-то массами?